

- [Теодор Драйзер](#)
  -
- [notes](#)
  - [1](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Теодор Драйзер

Эрнестина

По-моему, больше всего ее удручала и в конце концов толкнула на роковой шаг мысль о том, что она как-то прошла мимо представлявшихся ей возможностей и что жизнь сама по себе — непонятная игра, которая часто ведется крапленными картами и шулерскими костями. Я уверен, она была несколько смущена и разочарована, поняв, что в избранной ею профессии преуспевают люди, не обладающие ни настоящим талантом, ни умом, ни порядочностью, лишённые всяких моральных устоев, которые так нужны в решающие минуты. И мне кажется, что у нее самой не было тех нравственных сил, которые помогли бы ей устоять в жизни. Возможно также, ей слишком хотелось видеть хорошее в других, и она недостаточно заботилась о том, чтобы сохранить это в себе.

Я твердо уверен в том, что жизнь — это просто игра, ведут и выигрывают ее алчные, наглые, развратные, бездушные люди, а пешками для них служат жалкие глупцы, бедняки и простофили, — если б не эта уверенность, я обрушился бы на ее собратий по беззаботной профессии. Поверьте, трудно найти слова, которые были бы для них слишком сильными или слишком оскорбительными — корыстные, жадные, льстивые, беспутные, развращенные, злобные, жестокие... Но стоит ли продолжать? Весь этот список вы найдете сами в словаре Трента и Уокера. А впрочем, разве они хуже тех представителей других профессий, которые благодаря стечению обстоятельств в конце концов достигли высокого положения? Если кого-нибудь или что-нибудь нужно винить в этом, то признаем, что виновата сама жизнь.

Но перейдем к нашему рассказу.

Впервые я увидел Эрнестину, когда она выходила из станции надземной железной дороги на углу Шестой авеню и Восьмой улицы. Она была молода, на вид не старше девятнадцати лет, и волнующе, неотразимо красива. Ее сопровождал знакомый мне подающий надежды режиссер, из тех, кто начинает с малых форм. Вероятно, он знакомил ее с Гринвич-Вилледжем и был похож на настоящего импресарио. Она казалась совсем юной и неопытной девушкой, которая, точно принцесса, едва достаивает взглядом предлагаемые ей для осмотра владения. Он представил нас друг другу, и они сейчас же удалились. Но, как ни коротка была наша встреча, я

сразу увидел, что это необыкновенная девушка. Уверенность в себе и непринужденность, чувствовавшиеся в каждом ее движении, казалось, не соответствовали томному выражению лица, поражающему с первой минуты. Она была воплощением молодости, радости жизни, поэзии и любви к красоте. Что-то в ней подсказало некоему писателю и издателю, одно время увлекавшемуся ею и посвятившему ей цикл стихов, такие строки:

Я никогда не обольщаюсь
Безмерно сладостной мечтой,
Что вы могли бы полюбить
Меня, который вас не любит.

Она была тогда скромной актрисой драматического театра, и настоящим ее домом были сияющие огнями кварталы между Сорок второй и Пятьдесят девятой улицами. Изредка она появлялась в Гринвич-Вилледже — центре артистической богемы Нью-Йорка — и всех здесь приводила в восторг. Молодые художники, драматурги Гринвич-Вилледжа прямо теряли голову. Она просто чудо, — уверяли они. С ней непременно надо познакомиться. Даже женская половина населения Гринвич-Вилледжа признавала, хотя и не очень охотно, что эта девушка недурна и безусловно должна нравиться мужчинам.

Позже, на одной вечеринке, я мог сам наблюдать, как действовало ее обаяние и какой пыл страстей она пробуждала. Она вошла в

сопровождении того же начинающего режиссера и немедленно привлекла к себе внимание всех мужчин. Нельзя сказать, чтобы она поражала умом или особой артистичностью, но в ней было то непередаваемое, чего страшатся и чему завидуют все женщины, — к ней, как магнитом, тянуло мужчин. Ее темперамент, как и внешность, ошеломляли, и она это знала. Хотя некоторые женщины были склонны находить в ней те или другие недостатки, они не сводили с нее глаз, а она сияла и сохраняла невозмутимость — была слишком невозмутимой, как мне иногда казалось, и слишком тщеславной.

Она произвела такое впечатление на одного знаменитого критика с мировым именем, любителя изучать типы и характеры, что он пустился в рассуждения о ней и об американских девушках вообще.

— Вот, например, эта Эрнестина де Джонг, — сказал он мне. — Американские девушки поистине изумительны. Они довольно ограниченные, но зато у них есть поразительное физическое и духовное обаяние, они красивы и умеют неплохо преодолевать жизненные трудности, не считаясь с тем, что скажет Европа, а на это способны очень немногие женщины других стран, где я побывал. Видите ли, молодая американка этого типа думает и рассуждает, как истинная женщина, изучает жизнь с точки зрения женщины, рассматривает и разрешает встающие перед ней проблемы чисто по-женски. Она, по-видимому, осознает в большей мере, чем ее сестры почти в любой современной стране, что ее задача пленить мужчину, и затем, несмотря на присущую ему силу и ум, взять над ним верх своей женской силой и умом, а добившись этого, она знает, что ее цель достигнута. На мой взгляд, это вовсе не значит, что женщина ниже или глупее мужчины. Это значит только, что она умеет добиться своего.

Его философская тирада показалась мне довольно справедливой, но меня больше заинтересовало то, что вдохновила его именно эта совсем юная девушка. Ведь было видно, что она не слишком умна, по крайней мере в прямом смысле этого слова, а критик, о котором идет речь, отнюдь не был чувствителен к одурманивающим чарам красоты. Его мнение совпадало с создавшимся у меня впечатлением, что она действительно в некотором роде личность, а не просто комплекс органических соединений, воздействующих на чувственность мужчин.

Примерно к этому времени я уже знал кое-что о ее прошлом. Она родилась на северо-западе Америки. Ее отец был человек зажиточный, владелец молочной фермы в той местности, где делают тилламукский сыр. Старшая сестра Эрнестины жила в Сиэтле; ей посчастливилось выйти

замуж за богатого, и она взяла Эрнестину к себе. Тогда-то Эрнестина впервые столкнулась с театром; ее сестра увлекалась любительскими спектаклями, и девушка решила посвятить себя сцене. Ей все больше нравилось театральное направление малых форм. Но, как она рассказывала мне позднее, ее отец и мать были старомодные, религиозные люди, настроенные против театра, и, чтобы не вызвать их гнев и недовольство, Эрнестина долго скрывала это свое увлечение. Решив наконец стать профессиональной актрисой, она вступила в одну кочующую труппу и изменила свою фамилию, которая, кажется, была шведской. Эта обычная при таких обстоятельствах история не столь интересна и не настолько отличается от других, чтобы стоило на ней останавливаться.

Я думаю, что к этому времени Эрнестина уже не раз влюблялась. Видимо, она уже научилась как-то противостоять жизненным бурям. И, конечно, она хорошо поняла ценность своей красоты.

Примерно через полгода или через год после нашего знакомства до меня стали доходить слухи, что она любовница человека, хорошо известного в передовых литературных кругах. Он был поэтом, хотя и не сделал себе большого имени. Меня он интересовал не столько как выдающаяся личность, а скорее как сильный и обаятельный человек. С той самой поры, как он учился в колледже в Нью-Йорке, он много лет занимался тем, что добывал денежные средства для различных благотворительных и прогрессивных начинаний: предоставление женщинам избирательных прав, запрещение детского труда, издание газеты довольно либерального направления, которую финансировал он, или, вернее, его покровители; к этой деятельности он привлекал и других. При этом он находил время писать книги и статьи, в которых излагал интересные мысли по поводу поэзии и всяких преобразований. К тому же он был видным мужчиной, хорошо держался, и в нем не было бесцеремонной напористости, себялюбия и своекорыстия, столь часто движущих поступками тех, кто объявляет себя реформатором, сторонником общественных преобразований.

Едва ли Эрнестина до конца понимала его. Скорее ее влекло к нему потому, что он был настоящим мужчиной — красивый, обаятельный и известен как человек весьма просвещенный и причастный к искусству. Наверно, ее поражало и то, что он одновременно был и прозаиком, и критиком, и поэтом, и о нем пишут в газетах, а начинающие литераторы считают его выдающимся писателем. К тому же он действительно был хорош собой и всегда весел. Вряд ли она была способна разделять его разнообразные духовные интересы. Но по-своему она относилась к ним

почтительно, и эта наивная почтительность распространялась на все, связанное с искусством, и на всех, кто сумел в нем преуспеть. Я не хочу этим сказать, что все грани его личности были ей непонятны. Кое в чем она прекрасно его понимала; когда она рассказывала о его поступках и отношении к самому себе, ее описания почти всегда были метки и поучительны.

Однажды она сказала мне:

— Варн просто удивительный. (Его звали Варн Кинси.) Когда он хочет, он может быть самым милым человеком на свете. Он так хорошо умеет держаться. И он такого о себе хорошего мнения, — в нем это не кажется смешным, — он по-настоящему себя уважает, словно бог или еще кто-нибудь возложил на него какую-то высокую миссию. Вы, наверно, встречали таких людей. Все, что он думает, говорит или делает, кажется ему значительным. Что говорят, думают и делают другие, его куда меньше занимает. И нет такого человека, кого Варн считал бы выше или хотя бы равным себе. Потому-то ему, наверно, и удается получать у богатых деньги на все, во что он действительно верит. Никто другой так не умеет отыскивать людей, заинтересованных в том, в чем заинтересован он сам, и к ним приспособливаться. И он им вовсе не льстит, а просто знает, как расположить их в свою пользу, в особенности богатых женщин. Он получает деньги, а потом отстраняется — пусть действуют те, для кого он доставал эти деньги. Он берет себе возможно больший гонорар и наслаждается отдыхом. Он всегда говорит, что уже достаточно поработал, доставая деньги.

И, разумеется, его постоянно окружают люди заурядные, которые смотрят на него снизу вверх и делают то, на что он не считает нужным тратить время. Он читает, пишет стихи и статьи и от случая к случаю дает интервью по поводу тех дел, которыми он будто бы заправляет. Наверно, он иногда и вправду подает разумную мысль, полезный совет в тех делах, которыми должен был бы руководить. Он часто говорил, что уже одно его имя и его испытанные методы позволяют ему получать деньги для различных начинаний. Кроме того, добавлял он, ему необходимо вести широкий образ жизни и быть на виду, — это всегда полезно для дела.

Эта характеристика — одна из тех, какие я слышал от Эрнестины после ее четырехлетнего знакомства с Варном, — показывает, что она все же была умна. Она неплохо разобралась в нем, как позже ей случалось разбираться в характерах других мужчин.

Кинси был старше Эрнестины на пятнадцать лет и, когда они познакомились, был женат на одаренной и привлекательной женщине: его

жена писала картины и иллюстрировала книги. Но вскоре после этого знакомства стали поговаривать, что между ним и его женой начался разлад. Их уже не видели вместе так часто, как раньше. Они стали ссориться. Прежде Варн был в центре внимания на приемах и вечеринках своей жены, теперь он на них больше не появлялся. Между тем его стали встречать в обществе Эрнестины. Однажды я сам видел эту счастливую пару, когда они обедали вдвоем. Это было в оживленный час между семью и восемь вечера в одном из тех полуартистических кафе, которых много к северу от Сорок второй улицы. Я обедал там с приятелем; они вошли и сели в углу неподалеку от нас, не замечая ни меня, ни кого бы то ни было вокруг. Они были слишком поглощены друг другом. Едва они сели за столик, между ними начался какой-то интимный разговор. Кинси, как замороженный, не сводил с нее глаз. А Эрнестина, сознавая силу своих чар, позволяла любоваться собой, удостаивая его время от времени самой восхитительной улыбкой. Среди разговора он вдруг схватил ее руки и с минуту держал их, глядя ей прямо в глаза.

— Сразу видно, что человек влюблен, — заметил мой спутник. — Мило, не правда ли? Он смотрит на нее глазами поэта. Он весь во власти ее красоты.

Я согласился с ним. Многие из присутствующих также наблюдали за ними с интересом.

Следует добавить, что его чувство оказалось искренним — он развелся с женой. И, хотя он так и не женился на Эрнестине, они, видимо, любили друг друга и были счастливы. Варн по-настоящему привязался к ней, и несколько лет они были неразлучны. И, однако, она вовсе не стала его рабой, об этом мне говорили многие и тогда и позже. Скорее он не знал покоя из-за нее.

У нас с Кинси было мало общего, и мы почти не виделись; Эрнестину я тоже встречал только случайно. Она всегда была занята своей работой в театре. Но я достаточно слышал о ее жизни и об их отношениях от людей, близко их знавших. Первые год-два они были счастливы (именно в ту пору он посвятил ей цикл стихов; стихи эти сохранились). Однако позднее между ними начались нелады из-за работы Эрнестины, вернее, из-за ее увлечения новым видом искусства — кино, которое как раз тогда стало широко распространяться. Новые, более жесткие порядки управляли продвижением звезд на этом поприще: молодая актриса должна была стать любовницей режиссера, или постановщика, или пайщика, словом, кого-нибудь, кто мог обеспечить ей успех, — по крайней мере так говорили. И все же тут появилась новая возможность выдвинуться и при этом нажать

огромные деньги, и за нее ухватились красивые и честолюбивые девушки всей Америки.

Как я слышал, в те дни Эрнестиной увлекся один очень богатый и известный постановщик, и ей он тоже нравился: этот человек привлекал ее не столько сам по себе как личность или как возможный любовник, а тем, что мог создать головокружительную карьеру любой актрисе, которой захотел бы покровительствовать в этой новой области искусства (кинематограф тех дней обладал очарованием сказок «Тысячи и одной ночи»). И Эрнестина, не посчитавшись с мнением Кинси и против его воли, несколько раз участвовала в пробных съемках в двух-трех нью-йоркских киностудиях, помещавшихся тогда на чердаке или в подвале какого-нибудь самого обыкновенного здания. Один молодой и, по слухам, способный режиссер, работавший в студии на верхнем этаже в доме на Юнион-сквер, занял ее в нескольких небольших ролях, и съемки, к ее радости, показали, что она может блистать, если решится посвятить себя кинематографу и если ей повезет.

Но нет, Варн Кинси не желал и слышать об этом. Если она хочет сделать подобную карьеру, между ними все кончено! Он был бакалавром искусств и по своему образованию и воспитанию признавал достойными лишь более серьезные жанры сценического искусства, его ничуть не интересовали потуги тех, кто вынужден потворствовать примитивным вкусам толпы. В сущности, он презирал кино, и ему претили методы, к которым приходилось прибегать, чтобы выдвинуться здесь, — эти методы были уже ему известны. Стоило при нем заговорить о магнатах, которые приманивали блеском славы и богатства таких начинающих актрис, как Эрнестина, и он приходил в ярость. Пока она выступала в драматическом театре в Нью-Йорке и он каждый вечер мог ее видеть — почему бы и нет.

Но сопровождать ее во всякое время дня и ночи то в одно место, то в другое, где постановщику удалось раздобыть помещение для съемки, — на это он не мог согласиться. Если она вступит на такой путь, он расстанется с ней.

И тут появился некий постановщик, совладелец одной из крупнейших кинокомпаний, на которого произвело большое впечатление то, что он знал и слышал об Эрнестине. Он рассчитывал, что она не останется к нему равнодушной, ведь если он пожелает, то многое сможет для нее сделать. И, несмотря на всю очевидность его намерений, Эрнестина оказывала ему внимание из-за могущества, которое он олицетворял, а все потому (как она сама говорила мне впоследствии), что ее мучило непомерное честолюбие. Она была одержима жаждой успеха, громкой славы, и, стараясь как можно тактичнее отклонять его притязания, она тем не менее искала его дружбы ради того, что он мог для нее сделать. Но когда слухи об этом дошли до Кинси, начались неприятности. После одной из ссор он оставил студию и переехал в гостиницу (об этом я узнал тут же, а не из позднейших рассказов Эрнестины); говорили также, что она пришла к нему туда в три часа ночи, а он чуть не избил ее. Затем последовала мучительная полоса разрывов и примирений, и, наконец, они все-таки разошлись. Долгое время никого из них не видели в тех местах, где они прежде бывали. Эрнестина, как говорили, уехала куда-то на съемки. А Кинси, оставшись один, вернулся в круг людей серьезных и образованных. Он был не из тех, кто способен разделять благосклонность женщины, как бы восхитительна она ни была, с кем-нибудь другим, а успех Эрнестины в кино означал для него именно это.

Месяцев через шесть или восемь я с интересом рассматривал расклеенные по всему Нью-Йорку на рекламных щитах афиши, анонсировавшие не то новую кинодраму, не то кинороман (это была одна из первых полнометражных картин) с Эрнестиной де Джонг в главной роли. Несколько более мелким шрифтом была напечатана фамилия постановщика — того самого, который так увлекался ею годом раньше. По странному совпадению я уже познакомился с ним к тому времени. Он принадлежал к числу людей, которые считают, что все — абсолютно все — заключается в богатстве и власти. Это был белокурый энергичный мужчина, делец и организатор по натуре, презирающий своих конкурентов и не считающийся с чужими желаниями. Он интересовался только кинематографией и красивыми женщинами и хотел одного: чтобы его повсюду знали как владельца или постановщика многочисленных фильмов. Как могла Эрнестина де Джонг после близости с такой поэтической

натурой, как Кинси, столь быстро увлечься человеком подобного рода, было трудно, а может быть, и не так уж трудно понять. Она восхищалась известностью Варна Кинси в литературных кругах, но еще больше любила славу и роскошь, а это ей мог предложить ее новый покровитель. Итак, подумал я, услышав об этом, она все-таки не устояла. Кинси не сумел удержать ее. По-видимому, ей все же не хватало тонкости чувств, какого-то душевного благородства. Какой соблазн! Надежда отличиться! И где — в кино!

Недели через две я пошел на этот фильм; мне хотелось узнать, какую ей дали роль, есть ли у нее такие же способности для работы в кино, как для сцены, или же этот фильм лишь средство польстить тщеславию актрисы, не имеющей данных для этой профессии. С удивлением я обнаружил, что картина совсем не плоха, хороша была и Эрнестина. Содержание? Что ж, обычная киноистория, очень подходившая для актрисы с внешностью и обаянием Эрнестины, и героиней была такая же девушка, как она сама. Действие начиналось в обстановке, в какой протекала и юность Эрнестины, — на старой ферме. Героиня, деревенская девушка, грезилась о любви и о какой-то необыкновенной жизни. Был там, как полагается, деревенский возлюбленный, которому она отвечала взаимностью, и городской богач, который в конце концов оценил ее дарование и дал ей возможность попробовать свои силы. Была и шаблонная романтическая концовка — возвращение на старую ферму, где героиня узнает, что ее прежний возлюбленный также покинул родной дом и сделал почти такую же блестящую карьеру, как она. Не помню только, соединились ли они в заключение, согласно кинематографическому штампу.

Любопытно, что с технической стороны фильм был сделан очень хорошо, а Эрнестина получила от деятеля этого весьма условного искусства все, чего можно было ожидать: судя по фильму, ее покровитель искренне старался создать ей все условия для успеха. Значит, он действительно был увлечен ею. Более того, на мой взгляд, она прекрасно справилась со своей ролью и доказала, что может нравиться широкой публике. Она была красива, и постановщик не пожалел средств на ее туалеты и на эффектные декорации и мизансцены. Может быть, Эрнестина все же поступила правильно, во всяком случае благоразумно, подумал я. Ее поклонник, видимо, действительно готов сделать для нее все.

Года через два один мой знакомый актер, возвратившийся с Западного побережья, рассказал мне о восхитительных переменах в этом уголке земного шара. Сам по себе Лос-Анджелес не бог весть какой город —

скорее методистское поселение на том месте, где раньше были только пески и кактусы, но вот один из его пригородов, Голливуд, совсем преобразился. Кусты стручкового перца, пальмы, цветы делают его похожим на настоящий рай. Там дивное небо и горы, замечательные автомобильные дороги и множество пляжей на побережье. Коттеджи совершенно нового типа — калифорнийское бунгало — очень напоминают японские домики, и обитают в них новоявленные служители Мельпомены, сумасбродные и расточительные кинозвезды, получающие оклады, в сравнении с которыми оклады самых преуспевающих артистов драматической сцены кажутся ничтожными. Мир бахвальства, мишурного блеска, мир павлиньих перьев на таком фоне, который вдохновил бы любого поэта.

Тут мой собеседник неожиданно добавил:

— Вы не знакомы с Эрнестиной де Джонг? Она прежде жила в Нью-Йорке.

— Конечно, знаком.

— Посмотрели бы вы, как она там устроилась. Коттедж у нее прелестный. Небольшой, но какой-то особенный и так подходит для этого жаркого климата. Двор обнесен стенами, цветы, в глубине фонтан, комнаты чудесно обставлены. Они в японском стиле, окна и двери раздвижные, выходят на террасы и в сад. Повар, горничная и садовник у нее японцы. Она снималась в новом фильме, когда я был там.

«Недурно, — подумал я. — Вот как легко красота в союзе с небольшой долей здравого смысла достигают успеха в этом мире».

Затем разговор перешел на киномагната, который, увлекшись Эрнестиной, дал ей случай выдвинуться.

— Он, надо вам сказать, большая шишка в кинопромышленности. Недавно построил себе шикарную виллу в Беверли-Хилс, немного западнее Голливуда. Кстати, у него жена и ребенок.

— Вот как? — удивился я, так как думал, что, может быть...

Он назвал мне фамилию актрисы, на которой тот был женат уж шесть или семь лет.

— Ну, а как же Эрнестина?

— Разве вы не знаете, как это бывает, — сказал он. — Эти воротилы ведь легко относятся к женщинам. Первое время он, наверно, был по-настоящему влюблен в нее. Во всяком случае, он дал ей возможность появиться на экране, и она неплохо справилась. Но такие отношения, сами знаете, не вечны. Он встречает слишком много хорошеньких женщин, мечтающих о карьере киноактрисы. А при нынешнем положении вещей не

так уж трудно иногда устроить той или другой дебют. Если из нее выйдет толк — прекрасно. А если нет, то ее вскоре вытеснят более способные. И всякий раз история начинается заново. Я думаю, Эрнестине не на что жаловаться. Она снималась в трех картинах, а сейчас занята в четвертой. Но эту картину ставит не он. Говорят, он увлекается сейчас... — И мой знакомый назвал имя одной недавно выдвинувшейся актрисы.

Вспомнив этого человека, каким я его знал, и помня отношение к нему Эрнестины, я подумал, что потеря не так уж велика, если отвлечься от соображений финансового и практического характера. У нее, очевидно, никогда не было с ним духовной близости. Ее отношения с Кинси были, конечно, совсем другие. Есть разные мужчины и женщины. У одних чувства обострены и утончены, и они хранят впечатления глубоко и долго. Другие подобны алмазу, — на них не сделаешь и царапины. А третьи, как вода: для них все проходит бесследно.

Я по-прежнему встречал Кинси — обычно в одиночестве, с книгами под мышкой, всегда озабоченного одной из своих очередных реформ, которые доставляли ему средства к безбедному существованию. А года через три я поехал на Западное побережье и обстоятельства столкнули меня с тем самым миром, о котором рассказывал мой приятель актер. Я не был сам связан с кинопромышленностью, но многое узнал и понял благодаря окружающим. У меня была возможность все увидеть своими глазами, но здесь не место излагать мои личные впечатления. Да и все равно их нельзя было бы напечатать. Мишура! Самонадеянность! Тщеславие! Тупоумие! Расточительность! Бессмыслица! Угар от маленького, непрочного благополучия! Пошляки, умственные недоноски, воображающие, что они — гении, творцы, наследники самого эвонского барда^[1]. И вокруг — всепоглощающая, неприкрытая, грубая, дикая и воинствующая пошлость!

В школьные годы я много читал о языческих оргиях. Порой я наталкивался на описания буйных страстей и пресыщенности Сидона и Тира, Греции, Рима и Антиохии, и я безотчетно задумывался над тем, что это такое. По своей наивности и неосведомленности я считал, что все это навсегда отошло в прошлое. Ничего подобного уже не повторится. Человечество не потерпит никакой попытки возродить то, что происходило в давно минувшие годы. И вот в утопающих в цветах коттеджах Голливуда и его окрестностях, за запертыми дверями в наши дни происходят ночные оргии с участием угодливых помощников режиссеров, операторов, костюмеров и костюмерш, начинающих сценаристов и актеров, пресмыкающихся перед избранными: перед режиссерами, звездами и директорами! Точное отражение мира, казалось бы, ушедшего

безвозвратно. Я думаю, по описаниям романистов и историков никогда не представить себе так живо буйные развлечения древних, какие здесь можно было видеть воочию. В пьянстве, распутстве и обжорстве проходила вся ночь напролет. Непристойные телодвижения, танцы, восклицания, рассчитанные на то, чтобы расшевелить неповоротливых и ободрить нерешительных. Нескромные ласки на глазах у всех. Актеры, режиссеры, звезды и пайщики, люди развращенные и пресыщенные, объединялись в вакханалии, не опасаясь огласки. А те, кто готов сделать себе карьеру в кино любой ценой, принимали участие в этих вечерах, боясь вызвать недовольство своим отказом. И во всем этом чувствовалась какая-то нарочитость, вызванная не только подбострастием перед властью имущими, но и желанием, чтобы все именно так и происходило.

Не думайте, что, описывая эту картину, я сгустил краски. И вполне вероятно, что власть и богатство, на каком бы поприще они ни были достигнуты, всегда стремятся проявить себя подобным образом. Не надо забывать, что могущество и колоссальные суммы денег неожиданно оказались у многих, кто раньше не имел ни того, ни другого.

Вот что окружало Эрнестину, которая стала теперь в некотором роде знаменитостью. Не хочу утверждать, что ей нравилась такая жизнь, — этого я не говорю. Но сознательно или нет, а она принимала все, что видела здесь, так как это могло принести ей богатство. В то время, еще больше чем теперь, гранды и вельможи этого царства — мужская половина по крайней мере, не говоря о большом числе женщин, — давали волю своим желаниям и стремились добиться своего любой ценой. Существовал даже неписанный закон: ни одной молодой замужней женщине, сколько-нибудь верной супружескому долгу, нельзя было выдвинуться здесь, и ни одна даже очень красивая и обаятельная девушка не могла стать знаменитой, если она отказывалась быть наложницей директора, режиссера и даже кого-нибудь из ведущих актеров, — в те годы ведущие актеры почти всегда могли решать, с кем они хотят и с кем не хотят работать. А если девушка была молода и хороша собой, то она должна была водить дружбу с кем придется, начиная от уборщика, младшего бутафора и до режиссера, руководителя съемочной группы и президента компании. Она должна была «не отставать от других», «не портить компании»; раз Эрнестина несколько лет подряд занимает видное место в этой среде, думал я, значит и она ведет себя, как остальные. Правда, человек иногда кажется не таким, какой он есть, — но ведь встретил же я ее однажды на вечеринке в коттедже одного знаменитого режиссера, где мне пришлось наблюдать сцены, подобные только что описанным.

Веселье продолжалось уже несколько часов, когда я вместе со своими спутниками туда попал. Спиртные напитки лились рекой. Все без исключения уже перепились. Мужчины и женщины, одетые по последней моде, танцевали, пели, болтали или смеялись друг над другом по каким-то известным только им поводам. То одна, то другая пара исчезала в какой-нибудь из многочисленных комнат, а потом они появлялись снова, вызываясь улыбаясь. Им задавали удивительно откровенные, оскорбительные вопросы, на которые они не менее откровенно отвечали: «И эта маленькая!.. А помните, какая это скромница была всего три месяца назад!», «Идите-ка сюда! Полюбуйтесь на них! Так нализаться!», «Ты думаешь, Клерис, что чем меньше на тебе надето, тем ты соблазнительнее?», «Поглядите, какую красотку привела сегодня Д. Кто она?». (Это говорила молодая актриса, звезда американского, а позднее всемирного масштаба.) «Поди-ка сюда, Д... и познакомь меня с ней. Выпьем еще, а потом и потанцуем». «Уиллард, иди сюда! Тут тебя не хватает. Ты ей как раз под стать!..» Дальше вы можете сочинять и распределять эти реплики сами. Что бы вы ни придумали, вы не уйдете далеко от истины.

Как я уже сказал, Эрнестина де Джонг была тоже здесь. Возле нее сидел здоровенный, как бык, верзила, один из тогдашних киногероев, в безупречном фраке, но уже здорово пьяный. Он позволял себе самые неприличные вольности — мне даже и присниться не могло, что она способна допустить подобное, — а она, с полупьяной улыбкой, защищалась, хотя и не слишком энергично. Я подумал, что она может меня узнать, и, чтобы не смутить ее, отвернулся, а затем ушел, так и не заговорив с нею.

Встретившись с ней снова, я поинтересовался, как она жила все эти годы. Она была почти так же хороша, как прежде, хотя и не казалась такой юной; держалась она очень мило, свободно и приветливо. Из разговора я узнал, что дела ее идут прекрасно, у нее машина, коттедж, и она постоянно снимается на вторых главных ролях, сопутствуя звездам мужского и женского пола. На первые роли ее уже больше не приглашали. Она хорошо справлялась, однако ее постоянно считали второй после такой-то или такого-то, хотя те, вероятно, были менее талантливы. Почему? Она способная актриса, говорили мне знакомые режиссеры, но ей мешает то, что она брюнетка и высокого роста, — около ста шестидесяти восьми сантиметров, — а это не модно. Кроме того, ее считали слишком серьезной, серьезней многих блиставших тогда звезд, а режиссерам требуются артисты, которые были бы воплощением молодости и красоты и не

отличались умом. Они предпочитают «мысль» оставлять за собой. «Говорят, когда артистка думает слишком много или хотя бы немного, она утрачивает свое девическое обаяние, на которое сейчас такой спрос», — объяснил мне один режиссер. Он, конечно, говорил правду. Ежегодная кинопродукция той поры подтверждает справедливость его замечания.

Все же время от времени она снималась в каком-нибудь боевике, за что ей платили от трехсот пятидесяти до пятисот долларов в неделю. Одним из ее лучших друзей считался известный комик, человек очень неглупый. Здесь существовал небольшой кружок, состоявший из людей довольно образованных, они уделяли Эрнестине много внимания, и с ними она постоянно встречалась, когда была свободна от съемок.

За весь год, проведенный в Голливуде, я, пожалуй, больше и не вспомнил бы о ней, если бы не один случай. Однажды весенним вечером я увидел на бульваре Кинси. Он был без шляпы и одет, как принято в Голливуде: белые фланелевые брюки, светлая шелковая сорочка и короткая серая куртка с поясом. Под мышкой он нес книги и легкое пальто. (Вечерами в Голливуде всегда прохладно, зимой и летом.) Наверное, они помирились, подумал я, иначе зачем бы он приехал. Мне хотелось, чтобы это было так.

Месяца через полтора после этой встречи я получил от Эрнестины письмо. Должно быть, мое имя встретилось ей в газетах и то, что было напечатано обо мне, ее заинтересовало, подумал я. А, может, Кинси, говоря с ней, помянул меня. Ее приглашение было написано весьма дипломатично: очень хочет меня видеть, наше старое, хотя и непродолжительное, знакомство позволяет ей на это надеяться. Чувствовалось, что на этот раз ей от меня что-то нужно. Но что? Я подумал о Кинси, вспомнив свою недавнюю встречу с ним. Мне казалось, я догадываюсь, в чем дело, — она, наверно, пыталась помириться с ним, но из этого ничего не вышло, и она решила воспользоваться мной, чтобы вызвать в нем ревность. Может быть, спрашивал я себя, она рассчитывает, что мое появление у нее подействует на Кинси, как красная тряпка на быка?

Любопытство мое было задето, и я навестил ее в ее прелестном коттедже. Это был чудесный домик, обставленный с большим вкусом, — значит, она действительно любила красоту. Вспоминая, как она себя вела на вечеринке, я ожидал, что она внутренне огрубела, но ошибся. Она была приветлива, тактична, сдержанна и походила на ту, какой я знал ее прежде, но казалась еще привлекательнее, так как жизнь ее многому научила. Она рассказывала мне о кинозвездах, их интересах, положении, вкусах, успехах и неудачах. Меня поразил какой-то второй, скрытый смысл ее слов, — в

них слышалось явное недовольство собой и окружающим миром. Все в нем — лишь лихорадочное возбуждение, пустое и бессмысленное. Затем она стала горячо говорить о Кинси и об их прежней жизни. Увлечшись, она подробно рассказала, почему она его оставила. Он был деспот или во всяком случае становился деспотом, как только дело касалось ее работы в кино. По ее тону было ясно, что Кинси и теперь ей далеко не безразличен, хотя она старалась этого не показывать. (Однако это было заметно.) Эрнестина сказала, что он приезжал в Голливуд в связи с намечавшейся постановкой большого исторического фильма, — она рискнула предложить его как человека, способного организовать финансовую и административную сторону дела. Она это сделала вовсе не затем, чтобы восстановить их прежние отношения — хотя, слушая ее, я подозревал обратное, — а потому, что он, как никто, может решить такую задачу, и она оказывала услугу одновременно ему и студии. Кинси уже уехал, она виделась с ним всего два-три раза. Он по-прежнему обаятелен, но, конечно... И тут она дала мне понять, что с прошлым покончено и что она сама этого хотела. Я не знал, верить ли ей?

Когда разговор зашел о киномагнате, она не сказала ни одного слова, позволявшего заподозрить, что между ними были какие-либо иные отношения, кроме чисто деловых. Этот киномагнат, даже, собственно, не он, а кто-то из членов контролируемого им объединения видел Эрнестину в нескольких спектаклях на Востоке и решил привлечь ее для работы в кино. Он пригласил ее и предложил главную роль в одной из своих картин.

— Я знаю, есть люди, которые думают иначе, — подчеркнула она, — но они очень ошибаются. Первые два года я снималась в главных ролях в четырех его фильмах, потом меня пригласила другая компания, где я работала некоторое время. С тех пор я не связана с определенной компанией, как, впрочем, и большинство людей моей профессии. — И она рассказала мне, как невыгодны контракты, заключенные на пять, на десять лет, и какую глупость делают те, кто идет на это в начале своей карьеры. А все же факт оставался фактом: ни одна из этих организаций, после первых дебютов, не поручала ей главной роли. Я понял, что она продалась «за горчичную похлебку», как любил повторять один из комических героев Теккерея.

После этого мы не раз встречались, и только тогда я ясно представил себе, что за женщины добиваются успеха в модной роли впервые влюбленной шестнадцатилетней девушки; успех этот достигался всегда одним и тем же путем; впрочем, Эрнестина очень сдержанно говорила на эту тему. За исключением немногих знаменитостей, прославившихся

благодаря огромному таланту, признанному еще до их работы в кино, такими героинями были, как правило, авантюристки, а то и просто женщины легкого поведения, в сущности, ничего собой не представляющие. Они продавали себя тому, кто больше даст, или должны были поставить крест на своей карьере. Они, конечно, не были утонченными натурами, болезненно стремились к нарядам, роскоши и успеху, не говоря о желании нравиться мужчинам, которые, казалось им, были выдающимися людьми на том или ином поприще и, однако, в своей массе были такие же пошляки, тупицы и ничтожества, как и они сами. В моих статьях, напечатанных в одном из тогдашних журналов, посвященных кино, отражено важнейшее из того, что рассказывала мне Эрнестина или другие люди.

Всего, разумеется, нельзя было напечатать из-за цензурных ограничений.

Но меня интересовали не столько эти факты, вызывавшие во мне и гнев и уныние, сколько сама Эрнестина и ее отношение к ним и к тем идеалам, которые, возможно, у нее когда-то были, и она это знала. Она с горечью думала о наиболее сомнительных этапах своей карьеры, однако в оправдание выдвигала чисто практические доводы. Ее коттедж, туалеты, машина, ее связи в этом мире, видите ли, зависят от того, принимает ли она его таким, какой он есть, более того — она вынуждена делать вид, что он ей нравится. Я, наверно, не ошибусь, если скажу, что какое-то время ей все это и в самом деле нравилось, нравились показной блеск и бесшабашное веселье, свойственное этому миру, — об этом говорит ее присутствие на описанной мною вечеринке. Потом она пресытилась такой жизнью, и, подобно блудному сыну, ее потянуло хотя бы ненадолго к другому кругу, истинным представителем которого был Кинси. Она если не с восхищением, то почтительно смотрела на Кинси и его друзей, — они казались ей умными, образованными, настоящими людьми искусства в отличие от тех, кто окружал ее теперь.

Средства, к которым она прибегала, чтобы встречаться со мной, очень скоро убедили меня, что я правильно ее понял. Как бы она ни осуждала намерения и поступки разных выскочек и новичков, не говоря уже о тех, кто достиг известности, она, как и все, подвизавшиеся на этом зыбком поприще, всеми силами старалась выдвинуться. Я понял, что один из самых больших ее грехов — стремление поразить кое-кого из этих знаменитостей своими связями и знакомствами в мире Кинси. Она и мною явно собиралась воспользоваться с той же целью; сделать меня приманкой для других. Если она предлагала погулять, покататься, пообедать или

посидеть где-нибудь поболтать часок, у нее почти всегда было скрытое намерение отправиться потом в кафе, клуб или в гости — туда, где можно встретить влиятельных людей, показаться им в выгодном свете. В этих случаях она всегда представляла всех друг другу, называя занимаемое каждым положение, — мне это было только неприятно. Не раз я был вынужден объяснять ей, что ненавижу случайные знакомства, особенно в этом кругу. Мне противны были эти маневры, которые ей доставляли удовольствие. Наша дружба должна быть простой, искренней, не показной, — если она хочет со мной встречаться. Эрнестина, как теперь говорят, согласилась в принципе, но не на деле. И все же, при всех ее недостатках, она мне нравилась, в своем роде она была интересна — типичная представительница определенной категории женщин; и я старался не слишком раздражаться и не ставить ее в неловкое положение.

Однако из этого ничего не вышло. Несмотря на все мои намеки и даже прямое недовольство, она вела себя по-прежнему почти при каждой нашей встрече. Однажды она пригласила меня на чашку чая, и хотя предполагалось, что больше никого не будет, вдруг ввалилась целая компания; я рассердился и демонстративно ушел. С тех пор мы виделись гораздо реже, почти всегда случайно, на улице или в ресторанах.

Но, встречаясь с ней, я всякий раз искренне восхищался ее способностью остро ощущать все дурное и уродливое в том, что ее окружало, и мне было жаль ее, — она явно не могла забыть тех идеалов, которые она разделяла с Кинси. Я не мог не видеть, что она стремилась как-то объединить оба эти мира, чтобы играть заметную роль и там и тут. Однажды она взяла сборник стихотворений Кинси и показала мне те, которые ей больше всего нравились. Стихи, несомненно, посвящались ей, и видно было, что Эрнестина все еще находится под впечатлением его славословий. Она говорила о том, какой он талантливый, на редкость культурный, необыкновенный человек, как не похож на всех, с кем ей приходится сейчас сталкиваться. В комнате был ее портрет работы одного из друзей Кинси, написанный в те времена, когда они еще были вместе. Художнику удалось передать поразительное обаяние, которое отличало ее тогда. И, сравнивая портрет с оригиналом, я не мог не заметить, что за эти шесть лет черты ее лица поглубели, стали более жесткими, хотя и не настолько, чтобы это бросалось в глаза. Однако и сейчас, особенно когда она подкрашивалась перед выходом на улицу, Эрнестина все еще выглядела юной и невинной, как тогда, когда я впервые увидел ее, и, конечно, она очень старалась сохранить эту кажущуюся свежесть. Она спросила, не нахожу ли я, что она очень изменилась, и я по-рыцарски солгал.

Я не мог не видеть, что в ее речи, манерах и образе мыслей, особенно когда она была увлечена разговором и не рисовалась, заметно сказывалась опытность человека, уже много повидавшего в жизни. Случайная фраза, выражение лица, упоминание о каком-либо месте или человеке (например, она мельком сказала что-то о квартире знакомого мне злополучного режиссера, перед которым впоследствии закрылись двери всех студий) — все эти детали показывали ее в истинном свете. Что бы она ни говорила и ни делала, я уже знал: она отравлена этой средой и теперь, как ни странно, стыдится только ее неприглядных внешних проявлений. Слушая ее, нельзя было представить себе, что она когда-нибудь могла быть на такой вечеринке, которую я описал (она так и не узнала, конечно, что я ее тогда видел). Ей хотелось быть той женщиной, которой восхищался Кинси. Сейчас она больше всего тосковала по утонченной поэтичности, которую когда-то нашла в нем и сумела оценить. В ее рассказах о нем и об их прежней жизни порой прорывалось горькое сожаление.

Примерно в это время в кинопромышленности начался первый и наиболее тяжелый кризис. По какой-то из называвшихся тогда причин — перепроизводство, ввоз зарубежных фильмов, расточительность постановщиков, намерение Уолл-стрита насильственно снизить расходы и уменьшить жалованье всем ведущим работникам, падение посещаемости кинотеатров — выпуск новых фильмов прекратился более чем на год. Оклады оставшихся на работе были урезаны наполовину и больше. Почти сорок тысяч человек, занятых в кинопромышленности, всех профессий и рангов, пострадали от кризиса. Многие из режиссеров, которые еще недавно держались как полновластные хозяева, построили себе великолепные виллы и расхаживали с видом принцев, теперь вынуждены были заколотить свои особняки, сдать их внаем или продать. Кинозвезды, большей или меньшей известности, не говоря уже об актерах и актрисах второго разряда — злодеях, роковых женщинах, дублерах, инженеру, операторах, помощниках режиссеров, сценаристах и прочих, — лишились, во всяком случае на время, своих прекрасных должностей, высоких заработков и старались хоть как-нибудь продержаться в ожидании лучших дней. Буквально сотни изысканных, роскошно обставленных коттеджей и вилл сдавались или через некоторое время шли с молотка вместе с обстановкой и договором об аренде. Более пятидесяти недавно еще шумных и многолюдных студий этой столицы Запада стояли пустые и безмолвные. К концу года настоящая паника охватила почти всех, кто так терпеливо ждал каких-нибудь признаков оживления, и один за другим они стали браться за любую подвернувшуюся работу — устраивались в

оперетту, в драматический театр, становились декораторами, костюмерами, модистками, косметичками. К началу следующего года почти все вернулись на Восток, надеясь как-нибудь пережить трудное время. И только через полтора года обозначился какой-то поворот к лучшему в этой пораженной кризисом области.

Все это время я почти не встречал женщину, судьба которой продолжала меня интересовать. Как-то я случайно увидел ее, когда она с другой актрисой выходила из одной большой студии, по существу не работавшей. Но автомобиля нигде поблизости не было видно. Было около одиннадцати часов утра, и отсутствие машины в такой час показалось мне странным, так как я знал привычки Эрнестины. В дни своего благополучия она никуда не отправлялась иначе, как на своей или чужой машине или в такси. Позже я снова встретился с ней на людной улице в центре города, и она рассказала, что из-за временного застоя в кинопромышленности ей пришлось отказаться от своего коттеджа и автомобиля. Все же она сняла уютную квартирку в другом месте, куда и пригласила меня зайти. Сейчас она живет более скромно, как и все. Она не может позволить себе вести прежний образ жизни. Кто знает, когда дело обернется к лучшему.

Однажды я навестил ее; дом и квартал, куда она переселилась, мне понравились, но сама квартира была далеко не так прелестна, как ее коттедж в Голливуде. Коттедж обходился в семь или восемь тысяч долларов в год. А за квартиру вместе с обстановкой она платила не больше полутора тысяч. Уже после короткого разговора я понял, что она не уверена в своем будущем. Она, видимо, жила одиноко и никем не интересовалась, разве только Кинси, но он больше не интересовался ею. Она жаловалась, что те, кто ставит и выпускает картины, предпочитают иметь дело не с имеющими опыт, начинающими стареть актрисами, а с молодыми и неопытными. Неопытность в сочетании с молодостью и красотой, даже при отсутствии способностей, высоко ценится большинством ведущих режиссеров, потому что с новичками можно не церемониться и вышколить их по своему вкусу, а потом приписать все заслуги себе. А тут еще этот неожиданный крах или кризис, которому конца не видно. Эрнестина намекнула, что и ей, наверно, придется продать обстановку (которая сдана в аренду вместе с коттеджем) и вернуться на Восток, где она, конечно, может рассчитывать только на работу в театре. Тем не менее она, как большинство людей, старалась показать, что по-прежнему не унывает и верит в будущее.

Незадолго до этого разговора — за неделю или дней за десять — в газетах появилось сообщение о самоубийстве одной нашей общей знакомой, очаровательной девушки, принадлежавшей к тому кругу, где

прежде бывали Эрнестина и Кинси. Слишком долго и сложно описывать здесь судьбу этой девушки и все ею пережитое — это могло бы послужить темой для большого и захватывающего романа. Меня поразила смелость, с какой эта девушка, эта песчинка в мироздании, решала вопросы жизни и смерти, и я имел неосторожность пуститься в рассуждения об этом. Она не раз говорила мне, что лучшие годы, дарованные женщине, — от шестнадцати до двадцати восьми, и я, не подумав, повторил ее слова. После этого возраста жизнь чаще всего идет под уклон. Чтобы ни случилось, она намерена прожить эти годы так, как ей хочется. А потом... что ж... И вот, в двадцать девять лет, после почти головокружительной карьеры, она покончила с собой, приняв снотворное.

Эрнестина слушала с напряженным вниманием. Она все время постукивала пальцами по столу, а потом глубоко задумалась.

— Что ж, она права, — сказала она немного погодя, — я с ней согласна. Я тоже ненавижу старость. Каждая женщина, которая действительно была красива и знает, что это значит, поймет меня.

Я с любопытством посмотрел на нее. Она это сказала как-то особенно подчеркнуто, я бы сказал, обреченно.

Больше я ее не видел. Когда я в следующий раз проходил мимо этого дома, мне бросилось в глаза объявление: «Сдается» — на одном из окон ее квартиры. Значит, она все же уехала, — подумал я и остановился, чтобы посмотреть, есть ли еще табличка с ее именем на двери. Но таблички не было. Вскоре я услышал, что она продала всю свою обстановку и вернулась в Нью-Йорк. Через три месяца, когда в одном из журналов стали появляться мои статьи, материалом для которых она меня так щедро снабдила, и газеты перепечатали наиболее поразительные и вопиющие факты, я получил лаконичную телеграмму: «Спасибо» — и понял, что она их прочла и одобряет. Потом я снова долго ничего не слышал о ней, — и вот однажды утром все газеты Лос-Анджелеса напечатали сообщение из Нью-Йорка о том, что Эрнестина де Джонг, бывшая кинозвезда, отравилась газом на Гринвич-Вилледже, в квартире, где она жила прежде, когда работала в одном из нью-йоркских театров. Предполагали самоубийство, хотя никаких сведений о возможной причине самоубийства не было. Правда, де Джонг была киноактрисой, а кинематография переживает сейчас период упадка, но нет оснований думать, что у покойной были денежные затруднения. Ее родные — очень состоятельные люди; они уже уведомят о несчастье. Не было найдено никаких писем, она не оставила ни строчки. Насколько известно, она ни в кого не была влюблена, хотя недавно ходили слухи о ее помолвке с одним знаменитым киноартистом.

Он, впрочем, отрицал это, уверяя, что они были просто друзьями.

Но мне казалось, что я понимаю. Почему-то мне также казалось, что я понимаю, отчего она вернулась туда, где прошла ее прежняя, более счастливая, жизнь с Кинси. Не ошибался ли я? Как бы то ни было, она вернулась именно сюда, и здесь ее нашли. Я так и не узнал, имел ли он какое-нибудь отношение к случившемуся. Видимо, никто не знал этого. Говорили, что он был очень удручен.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

---

notes

Примечания

1

Шекспира, родина которого Стратфорд-на-Эвоне.